

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
27 (90)

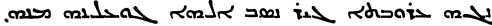
ИСТОРИЯ
И
ФИЛОЛОГИЯ

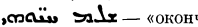
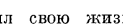
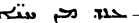

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

ОТРАЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ГНОСТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ПАМЯТНИКАХ СИРИЙСКОЙ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Учение гностиков, система их идей, история возникновения и истоки гностических воззрений интересовали многих представителей отечественной и западной науки. Внимание к этим проблемам особенно возросло после находки в Наг-Хаммади собрания гностических текстов на коптском языке. Интерес этот не прерывается и по сей день как у нас в стране, так и за рубежом, чему есть многочисленные свидетельства: публикации найденных текстов, их исследование, международные конгрессы и конференции с десятками докладов, посвященных вопросам, связанным с гностицизмом. Последняя такая конференция состоялась в Галле в 1976 г. Тема ее была «Представления о человеке в учении гностиков и манихеев». Наряду с другими на конференции были сделаны выводы о том, что, во-первых, тексты Наг-Хаммади обнаруживают лишь часть гностической системы и религиозной практики и, во-вторых, следы гностических представлений можно заметить в византийской ортодоксальной теологии.¹

Выводы о том, что система гностических представлений, какой ее знает современная наука, далеко не полна и что некоторые недостающие элементы могли бы быть восстановлены на основе памятников христианской ортодоксии, навели нас на мысль пересмотреть под этим углом зрения сирийские повествовательные тексты, интересовавшие ранее в других аспектах. Поводом к этому послужило одно загадочное на первый взгляд место в «Житии Алексия, человека божьего», где сказано следующее: «В пятницу на рассвете возьмет бог свой залог у него».²

В значении «залог» употреблен здесь термин . Смысл этого выражения может быть понят в данном случае лишь из контекста. В контексте же говорится о смерти святого. Для сочинения, написанного простым безыскусным языком, каким является «Житие Алексия», употребление иносказательного и притом вычурного, на наш взгляд, выражения сразу обращает на себя внимание. В этом тексте более уместны были бы глаголы — «умер», — «упокоился»; словосочетания — «окончил свою жизнь», — «покинул мир», — «ушел из жизни»³ и т. д.

Для понимания указанного неясного выражения потребовались некоторые разыскания, приведшие прежде всего к собранию нравоучитель-

¹ Винкельман Ф. IV коптологическая конференция. (Галле, 25—27 ноября 1976 г.). — Византийский временник, т. 39, 1978, с. 280—281.

² Amiaud A. La légende de Saint Alexis l'homme de dieu. Paris, 1889, p.

³ См.: Payne-Smith J. A compendious syriac dictionary. Oxford, 1903, p. 260, 331, 581, 345, 419.

ных сентенций греческого автора, представителя гномической литературы Секста Пифагорейца. Среди его изречений есть такие, которые могли бы заинтересовать лишь представителей языческой философии (мысли о ценности свободы и мудрости, взгляд на богов как на *νοῦς αὐτοκίνητος* и т. д.). Однако огромная масса сентенций, вполне соответствуя популярной этике, легко уживалась с религиозными воззрениями христиан.

Сирийский перевод изречений Секста Пифагорейца был сделан в V—начале VI в. и служил, по свидетельству источников, излюбленным чтением сирийцев.⁴ В одной из глав его сочинения сказано: *ⲛⲓⲃⲁⲛ ⲛⲓⲃⲁⲛ*

ⲛⲓⲃⲁⲛ ⲛⲓⲃⲁⲛ — «Твоя душа — это залог, данный тебе богом».⁵

Иначе говоря, залог (*ⲛⲓⲃⲁⲛ*) — это душа.

Следовательно, в тексте «Жития Алексия» под «залогом» подразумевается душа: когда настанет время, бог возьмет душу святого, которую дал ему прежде в виде залога, и тот умрет.

Такое представление о душе, независимой от тела, о том, что тело служит душе лишь земной оболочкой и спустя короткое время должно вернуть душу, как должник возвращает свой долг, — это представление восходит также к «Книге Премудрости Соломона»: «И суетный труженик из той же глины лепит суетного бога, тогда как сам недавно родился из земли и вскоре пойдет туда же, откуда он взят, и взыщется с него долг души его» (Sap. XV, 8).

По свидетельству Иосифа Флавия, фарисеи также верили в то, что душа продолжает свое существование после смерти человека. Об этом он говорит и в «Иудейской войне» (BJ II, 8, § 9), и в «Иудейских древностях» (Ant. XVIII, 1, § 1,5). Душа как бы отдается на сохранение телу, которое обязано вернуть ее богу в чистом виде. Эта мысль повторяется в «Иудейской войне» еще раз — в эпизоде, посвященном описанию защиты иудеями крепости Иотапата. Когда после полуторамесячной осады римляне овладели крепостью, несколько защитников во главе с Иосифом Флавием скрылись в пещере.

Сознавая безвыходность своего положения, они решили кончить жизнь самоубийством. Однако Иосиф Флавий, не желавший расставаться с жизнью, обратился к ним со словами, в которых пытался объяснить свой отказ, используя бытовавшее в той среде представление о необходимости вернуть богу душу в чистом, неповрежденном виде: *εἴτ' ἐὰν μὲν ἀφανίσῃ τις ἀνθρώπου παρακαταθήκην ἢ διαθῆται κακῶς, πονηρὸς εἶναι δοκεῖ καὶ ἄπιστος, εἰ δὲ τις τοῦ σφετέρου σώματος ἐκβάλλει τὴν παρακαταθήκην τοῦ θεοῦ, λεληθὲναι δοκεῖ τὸν ἀδικούμενον* — «Если кто-нибудь уничтожит доверенное ему другим или отнесется неосмотрительно, его сочтут порочным и неблагонадежным; если же он из собственного тела исторгнет доверенное богом (т. е. душу. — А. П.), о нем будут говорить, что он грешник» (BJ, III, 8, § 5, 372).⁶

Таким образом, приведенный отрывок сирийского агиографа служит ярким примером того, как в христианстве сходились в одной точке элементы эллинизма и иудаизма.

Существует еще один источник, который может быть использован для интерпретации интересующего нас эпизода, и не только с точки зрения филологической, но и для уяснения его идейной окраски. Мы имеем в виду гностический «Гимн о душе», приписываемый первому сирийскому писателю-гностику Бар Дайсану (154—222) и включенный в апокрифические «Акты апостола Фомы».

⁴ Pauly-Wissowa. Real-Encyclopaedie der classischen Altertumwissenschaft. Stuttgart, 1923, S. 2062.

⁵ Lagardii P. A. Analecta syriaca. Lipsiae, 1858, p. 11.

⁶ На эту параллель мне указал А. К. Гаврилов.

«Гимн о душе» — это искусно построенное аллегорическое произведение, в котором нарисована развернутая картина того представления о душе, данной в залог, которое в агиографе отразилось лишь в виде намека.

Анализируя приемы построения гностических произведений, В. В. Болотов писал, что гностики говорили не отвлеченными понятиями, а образами, картинами. В выражении своих идей они создавали как бы двойной аллегорический образ. «Они посредством аллегорий из Св. Писания получали известные отвлеченные положения и затем эти отвлеченные положения опять-таки выражали в аллегориях, в картинах, в образах. Таким образом, они из одной таинственной загадки получали уже в обработанном виде другую загадку, давали решение первой, но предлагали его опять-таки в загадочной форме. Их учение производило эффект тем, что с первого раза было понятно только отчасти, но непонятно в своем глубоком основании и делалось понятным постепенно».⁷

В. В. Болотов не указывает здесь, какое именно произведение он имел в виду, но его анализ как нельзя лучше приложим к «Гимну о душе». Источником этого стихотворения является Евангелие от Матфея, которое заключает в себе как бы первую загадку: «Еще подобно царство небесное жемчугу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее» (Matf. XIII, 45—46).

В «Гимне о душе» это представление о жемчужине, символизирующей царство небесное, развивается в подробное последовательное повествование, которое как будто поясняет изречение апостола. Гимн включает описание путешествия, самого пути, проходящего через города и страны, многочисленных опасностей, подстерегающих на этом пути. В нем действует несколько персонажей. Фабула — в предельно кратком изложении — такова. Сын царя царей и царицы Востока, снабженный большим драгоценным грузом — золотом из одной страны, серебром — из другой, халцедонами, алмазами и прочими драгоценными камнями, — отправлен родителями в Египет на поиски жемчужины, скрытой там на дне моря и охраняемой змеей. После многочисленных приключений ему удается добыть эту жемчужину, и взамен всех ценностей, которые у него были, он приносит родителям ее одну.

Повествование и здесь не стало менее загадочным по сравнению с евангельским изречением, которое легло в его основу, потому что по-прежнему осталось аллегорией, глубоко скрывающей свой внутренний смысл. С первого взгляда становится ясно только одно: как в евангельской притче, так и в строках гностического гимна говорится о том, кто продал (или утратил) все, что имел, и купил (или обрел) единственную жемчужину. Здесь мы и имеем ту двойную аллегию, о которой говорил, по-видимому, В. В. Болотов.

Следует обратить внимание на одну существенную для нашего дальнейшего рассуждения деталь. Перед тем как отправиться в путь, сын царя снимает светозарное одеяние (сир. *ḥḏḏān*),⁸ которое было на нем надето, а как только достает жемчужину со дна моря, его отец посредством двух посланцев возвращает ему это его одеяние.

Как уже говорилось, гностическими текстами была вызвана к жизни огромная литература. Существует большая литература, связанная непосредственно с «Актами апостола Фомы», в частности с «Гимном о душе».⁹

⁷ Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви, ч. II. СПб., 1910, с. 178—179.

⁸ *ḥḏḏān* — vestis splendida. См.: Payne-Smith R. Thesaurus syriacus, t. I. Oxonii, 1879, col. 1087; ср. Matf. XVII, 2—5: «... во время преображения лицо спасителя просияло, как солнце, а одежды его сделались белы, как свет. Свет — символ святости основателя христианства (Joann VIII, 12; V, 35; Act. XX, 7—8).

⁹ См. библиографию, приложенную к книге: Rudolf K. Die Gnosis. Leipzig. 1977, S. 421—425; см. также: Moss C. Catalogue of syriac printed books and related literature in the British Museum. London, 1962, Thomas, Saint and Apostle.

что имел, и купил жемчужину. И в том и в другом случаях имеются в виду, конечно, не купля-продажа и не деньги (серебро), а совсем иные ценности. Упоминание же сына царя — это, по-видимому, параллель к «Гимну о душе».

Таким образом, мы разобрали несколько сирийских сочинений, в каждом из которых термин *ܕܢܦܫܐ* или производная от этого корня причастная форма *ܕܢܦܫܐ* выражают одну и ту же идею. Исходным нам представляется «Гностический гимн о душе», в других же следует видеть его реминисценции. В таком случае можно говорить, по-видимому, об отражении некоторых гностических представлений в памятниках ортодоксального христианства, какими являются «Житие Алексия, божьего человека» и «Учение апостола Аддая».

A. Païkova

LA REFLECTION QUELQUES IDÉES GNOSTIQUES DANS LA LITTÉRATURE SYRIAQUE

L'article traite la reflection quelques idées gnostiques dans les textes syriaques orthodoxes, en particulier la phrase: *ܕܢܦܫܐ ܕܢܦܫܐ ܕܢܦܫܐ ܕܢܦܫܐ*

ܕܢܦܫܐ ܕܢܦܫܐ «Ton âme c'est le gage donné toi par le Dieu».

Cette notion d'âme a par source les travaux de Josephe Flave et Sexte Pythagoréen. Elle se répète dans diverses variations par quelques oeuvres syriaques: dans le hymne gnostique «De l'âme» qui est inclusé dans les «Actes d'Apôtre Thomas» apocryphique, aussi que dans «La Vie de St. Alexis, l'homme de Dieu» et «La Didascalie d'Addai».
